

М. Булгаков

Адам и Ева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б90

Булгаков М.А.
Б90 Адам и Ева / М. Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2016. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-2674-1

«Адам и Ева» — пьеса Михаила Булгакова, в которой описан техногенный конец света в результате газовой войны. Пьесу не смогли опубликовать или поставить при жизни Булгакова и впервые она вышла в 1971 году, в Париже. В СССР её выпустили в октябре 1987 года.

ISBN 978-5-4241-2674-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© М.А. Булгаков, 2016

*Участь смельчаков, считавших,
что газа бояться нечего всегда была
одинакова — смерть!*

«Боевые газы»

*...и не буду больше поражать все-
го живущего, как Я сделал: впредь
во все дни Земли сеяние и жатва
не прекратятся.*

*Из неизвестной книги,
найденной Маркизовым*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ева Войкевич, 23 лет.

Адам Николаевич Красовский, инженер, 28 лет.

Ефросимов Александр Ипполитович, академик, 41 года.

Дараган Андрей Федорович, авиатор, 37 лет.

Пончик-Непобеда, литератор, 35 лет.

Захар Севастьянович Маркизов, изгнанный из профсоюза, 32 лет.

Аня, домработница, лет 23.

Туллер 1-й
Туллер 2-й } братья.

Клавдия Петровна, врач-психиатр, лет 35.

Мария Вируэс, лет 28, женщина-авиатор.

Де Тимонеда, авиатор.

Зевальд, авиатор.

Павлов, авиатор.

АКТ ПЕРВЫЙ

Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор. Наиболее примечательной частью обстановки является висящая над столом лампа под густым абажуром. Под ней хорошо пасьянс раскладывать, но всякая мысль о пасьянсах исключается, лишь только у лампы появляется лицо Ефросимова. Также заметен громкоговоритель, из которого течет звучно и мягко «Фауст» из Мариинского театра. Во дворе изредка слышна гармоника. Рядом с комнатой передняя с телефоном.

Адам (*целует Еву*). А чудная опера этот «Фауст». А ты меня любишь?

Ева. Люблю.

Адам. Сегодня «Фауст», а завтра вечером мы едем на Зеленый Мыс! Я счастлив! Когда стоял в очереди за билетами, весь покрылся горячим потом и понял, что жизнь прекрасна!..

Аня (*входит внезапно*). Ах...

Адам. Аня! Вы хоть бы это... как это... постучались!..

Аня. Адам Николаевич! Я думала, что вы в кухне!

Адам. В кухне? В кухне? Зачем же я буду в кухне сидеть, когда «Фауст» идет?

Аня расставляет на столе посуду.

Адам. На полтора месяца на Зеленый Мыс! (*Жонглирует и разбивает стакан.*)

Ева. Так!..

Аня. Так. Стакан чужой! Дараганов стакан.

Адам. Куплю стакан. Куплю Дарагану пять стаканов.

Аня. Где вы купите? Нету стаканов,

Адам. Без паники! Будут стаканы к концу пятилетки! Да... вы правы, Анна Тимофеевна. Именно в кухне я должен быть сейчас, ибо я хотел вычистить желтые тупфи. (*Скрывается.*)

Аня. Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна! И красивый, и инженер, и коммунист.

Ева. Знаете, Анюточка, я, пожалуй, действительно счастлива. Хотя... впрочем... черт его знает!.. Да почему вы не выходите замуж, если вам уж так хочется?

Аня. Все мерзавцы попадают, Ева Артемьевна! Всем хорошие достались, а мне попадет какая-нибудь игрушечка, ну как в лотерее! И пьет, сукин сын!

Ева. Пьет?

Аня. Сидит в подштанниках, в синем пенсне, читает «Графа Монте-Кристо» и пьет с Кубиком.

Ева. Он несколько хулиганистый парень, но очень оригинальный.

Аня. Уж на что оригинальный! Бандит с гармоникой. Нет, не распишусь. Он на прошлой неделе побил бюрократа из десятого номера, а его из профсоюза выкинули. И Баранову обманул, алименты ей заставили платить. Это же не жизнь!

Ева. Нет, я проверяю себя, и действительно, я, кажется, счастлива.

Аня. Зато Дараган несчастлив.

Ева. Уже знает?

Аня. Я сказала.

Ева. Ну, это свинство, Аня!

Аня. Да что вы! Не узнает он, что ли? Он сегодня спрашивает: «А что, Ева придет вечером к Адаму?» А я говорю: «Придет и останется». — «Как?» «А так, — говорю, — что они сегодня расписались!» «Как?!» Ага, ага, покраснели!.. Всю квартиру завлекли!

Ева. Что вы выдумываете! Кого я завлекала?..

Аня. Да уж будет вам сегодня! Вот и Пончик явится. Тоже влюблен.

Ева. На Зеленый Мыс! Не медля ни секунды, завтра вечером в мягком вагоне, и никаких Пончиков!

Аня выметает осколки и выходит.

Адам (*влетает*). А комната тебе нравится моя?

Ева. Скорее нравится. Да, нравится...

Адам целует ее.

Ева. Сейчас Аня вкатится... погоди!

Адам. Никто, никто не придет! (*Целует.*)

Внезапно за окном голоса. Голос Маркизова: «Буржуй!», голос Ефросимова: «Это хулиганство!» Голос Маркизова: «Что? Кто это такой — хулиган? А?» — и на подоконник со двора вскакивает Ефросимов. Возбужден. Дергается. Ефросимов худ, брит, в глазах туман, а в тумане свечки. Одет в великолепнейший костюм, так что сразу

видно, что он недавно был в заграничной командировке, а безукоризненное белье Ефросимова показывает, что он холост и сам никогда не одевается, а какая-то старуха, уверенная, что Ефросимов полубог, а не человек, утюжит, гладит, напоминает, утром подает... Через плечо на ремне у Ефросимова маленький аппарат, не очень похожий на фотографический. Окружающих Ефросимов удивляет странными интонациями и жестикующей.

Ефросимов. Простите, пожалуйста!..

Адам. Что такое?!

Ефросимов. За мной гонятся пьяные хулиганы! (Соскакивает в комнату.)

На подоконнике появляется Маркизов. Он, как описала Аня, в кальсонах и в синем пенсне и, несмотря на душный вечер, в пальто с меховым воротником.

Маркизов. Кто это хулиган? (В окно.) Граждане! Вы слышали, что я хулиган? (Ефросимову.) Вот я сейчас тебя стукну по уху, ты увидишь тогда, кто здесь хулиган!

Адам. Маркизов! Сию минуту уберите из моей комнаты!

Маркизов. Он шляпу надел! А?

Ефросимов. Ради бога! Он разобьет аппарат!

Ева. Вон из комнаты! (Адаму.) Позвони сейчас же в милицию!

Аня (вбежав). Опять Захар?!

Маркизов. Я извиняюсь, Анна Тимофеевна! Меня оскорбили, а не Захар! (Еве.) Милицию собираетесь по вечерам беспокоить? Члены профсоюза?

Аня. Уйди, Захар!

Маркизов. Уйду-с. (В окно.) Васенька, дружок! И ты, Кубик! Верные секунданты мои! Станьте, друзья, у парадного хода. Тут выйдет из квартиры паразит в сиреновом пиджаке. Алкоголик-фотограф. Я с ним буду иметь дуэль. (Ефросимову.) Но я вам, заграничный граф, не советую выходить! Ставь себе койку в этой квартире, прописывайся у нас в жакте. Пока. (Скрывается.)

Ефросимов. Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство. Чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается построить бесклассовое общество!..

В окно влетает кирпич.

Адам. Маркизов! Ты сядешь за хулиганство!

Ева. Ах, какая дрянь!

Ефросимов. Я — алкоголик? Я — алкоголик? Я в рот не беру ничего спиртного, уверяю вас! Правда, я курю, я очень много курю!..

Ева. Успокойтесь, успокойтесь... Просто он безобразник.

Ефросимов (*дергаясь*). Нет, я спокоен! Совершенно! Меня смущает только одно, что я потревожил вас. Сколько же это времени мне, в самом деле, сидеть в осаде?

Адам. Ничего, ничего. Эти секунданты скоро рассосутся. В крайнем случае я приму меры.

Ефросимов. Нет ли у вас... это... как называется... воды?

Ева. Пожалуйста, пожалуйста.

Ефросимов (*напившись*). Позвольте мне представиться. Моя фамилия... гм... Александр Ипполитович... А фамилию я забыл!..

Адам. Забыли свою фамилию?

Ефросимов. Ах, господи! Это ужасно!.. Как же, черт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенилди-хлор-арсин... Ефросимов! Да. Вот такая фамилия. Ефросимов.

Адам. Так, так, так... Позвольте... Вы?..

Ефросимов. Да, да, именно. (*Пьет воду.*) Я, коротко говоря, профессор химии и академик Ефросимов. Вы ничего не имеете против?

Ева. Мы очень рады.

Ефросимов. А вы? К кому попал через окно?

Адам. Адам Красовский.

Ефросимов. Вы — коммунист?

Адам. Да.

Ефросимов. Очень хорошо! (*Еве.*) А вы?

Ева. Я — Ева Войкевич.

Ефросимов. Коммунистка?

Ева. Нет. Я — беспартийная.

Ефросимов. Очень, очень хорошо. Позвольте! Как вы назвали себя?

Ева. Ева Войкевич.

Ефросимов. Не может быть!

Ева. Почему?

Ефросимов. А вы?.. Э...

Ева. Это мой муж. Мы сегодня поженились. Ну да, да, Адам и Ева!..

Ефросимов. Ага! Я сразу подметил. А вы говорите, что я сумасшедший!

Ева. Этого никто не говорил!

Ефросимов. Я вижу, что вы это думаете. Но нет, нет! Не беспокойтесь: я нормален. Вид у меня действительно, я сознаю... Когда я шел по городу, эти... ну вот, опять забыл... ну, маленькие... ходят в школу?..

Ева. Дети?

Ефросимов. Мальчики! Именно они. Свистели, а эти... ну, кусают. Рыжие.

Адам. Собаки?

Ефросимов. Да. Бросались на меня, а на углах эти...

Адам. Милиционеры!

Ева. |

Ефросимов. Косились на меня. Возможно, что я шел зигзагами. В ваш же дом я попал потому, что хотел видеть профессора Буслова, но его нет дома. Он ушел на «Фауста». Разрешите мне только немножко отдохнуть. Я — измучился.

Ева. Пожалуйста, пожалуйста. Ждите у нас Буслова.

Адам. Вот мы сейчас закусим...

Ефросимов. Благодарю вас! Вы меня просто очаровали!

Адам. Это фотографический аппарат у вас?

Ефросимов. Нет. Ах! Ну да. Конечно, фотографический. И знаете, раз уж судьба привела меня к вам, позвольте мне вас снять.

Ева. Я, право...

Адам. Я не знаю...

Ефросимов. Садитесь, садитесь... Да, но, виноват... (*Адаму.*)
У вашей жены хороший характер?

Адам. По-моему, чудный.

Ефросимов. Прекрасно! Снять, снять! Пусть живет.

Адам (*тихо*). Ну его в болото. Я не желаю сниматься...

Ефросимов. Скажите, Ева, вы любите?..

Ева. Жизнь?.. Я люблю жизнь. Очень.

Ефросимов. Молодец! Молодец! Великолепно. Садитесь!

Адам (*тихо*). К черту, к черту, не хочу я сниматься он сумасшедший!

Ева (*тихо*). Он просто оригинал, как всякий химик. Брось! (*Громко.*) Ну, Адам! Я, наконец, прошу тебя!

Адам хмуро усаживается рядом с Евой. В дверь стучат, но Ефросимов занят аппаратом, а Адам и Ева своими позами. В дверях появляется Пончик-Непобеда, а на окно осторожно взбирается Маркизов.

Ефросимов. Внимание!

Из аппарата бьет ослепительный луч.

Пончик. Ах! (*Ослепленный, скрывается.*)

Маркизов. Ах, чтоб тебе! (*Скрывается за окном.*)

Луч гаснет.

Ева. Вот так магний!

Пончик (*постучав вторично*). Адам, можно?

Адам. Можно, можно. Входи, Павел!

Пончик входит. Это малый с блестящими глазками, в роговых очках, штанах до колен и клетчатых чулках.

Пончик. Здорово, старик! Ах, и Ева здесь? Снимались? Вдвоем? Хе-хе-хе. Вот как-с! Я сейчас. Только приведу себя в порядок. (*Скрывается.*)

Ева. Вы дадите нам карточку?

Ефросимов. О, натурально, натурально. Только не теперь, а немного погодя.

Адам. Какой странный аппарат. Это заграничный? В первый раз вижу такой...

Послышался дальний тоскливый вой собаки.

Ефросимов (*тревожно*). Чего это собака воеет? Гм?.. Вы чем занимаетесь, Ева...?

Ева. Артемьевна. Я учусь на курсах иностранных языков.

Ефросимов. А вы, Адам?

Адам. Николаевич! Я — инженер.

Ефросимов. Скажите мне какую-нибудь простенькую формулу, ну, к примеру, формулу хлороформа?

Адам. Хлороформа? Хлороформа. Ева, ты не помнишь формулу хлороформа?

Ева. Я никогда и не знала ее!

Адам. Видите ли, я специалист по мостам.

Ефросимов. А, тогда это вздор... Вздор эти мосты сейчас. Бросьте их! Ну кому в голову сейчас придет думать о каких-то мостах! Право, смешно... Ну, вы затратите два года на постройку моста, а я берусь взорвать вам его в три минуты. Ну какой же смысл тратить материал и время. Фу, как душно! И почему-то воют псы! Вы знаете, я два месяца просидел в лаборатории и сегодня в первый раз вышел на воздух. Вот почему я так странен и стал забывать простые слова! (*Смеется.*) Но представляю, себе лица в Европе! Адам Николаевич, вы думаете о том, что будет война?

Адам. Конечно, думаю. Она очень возможна, потому что капиталистический мир напоен ненавистью к социализму.

Ефросимов. Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистическому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому, дорогой строитель мостов, а формула хлороформа CHCl_3 ! Война будет потому, что сегодня душно! Она будет потому, что в трамвае мне каждый день говорят: «Ишь шляпу надел!» Она будет потому, что при прочтении газет (*вынимает из кармана две газеты*) волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар. (*Указывает в газету.*) Что напечатано? «Капитализм необходимо уничтожить». Да? А там (*указывает куда-то вдаль*), а там что напечатано? А там напечатано: «Коммунизм надо уничтожить». Кошмар! Негра убили на электрическом стуле. Совсем в другом месте, черт знает где, в Бомбейской провинции, кто-то перерезал телеграфную проволоку, в Югославии казнили, стреляли в Испании, стреляли в Берлине. Завтра будут стрелять в Пенсильвании. Это сон! И девушки с ружьями, девушки! — ходят у меня по улице под окнами и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалей!» Всякий день! Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит?

Адам. Виноват, профессор, я извиняюсь! Негр — это одно, а винтовочка, бей — это правильно. Вы, профессор Ефросимов, не можете быть против этой песни!

Ефросимов. Нет, я вообще против пения на улицах.

Адам. Ге... ге... ге. Однако! Будет страшный взрыв, но это последний, очищающий взрыв, потому что на стороне СССР — великая идея.

Ефросимов. Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить.

Адам. Ну, это мы посмотрим!

Ефросимов. Очень боюсь, что многим как раз посмотреть ничего не удастся! Все дело в старичках!..

Ева. Каких старичках?..

Ефросимов (*таинственно*). Чистенькие старички, в цилиндрах ходят... По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной — чтобы экономка вовремя подавала кофе. Они не привередливы!.. Один из них сидел, знаете ли, в лаборатории и занимался, не толкаемый ничем, кроме мальчишеской любознательности, чепухой: намешал в колбе разной дряни — вот вроде этого хлороформа, Адам Николаевич, серной кислоты и прочего — и стал подогревать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Вышло из этого то, что не успел он допить свой кофе, как тысячи людей легли рядышком на полях... затем посинели как сливы, и затем их всех на грузовиках свезли в яму. А интереснее всего то, что они были молодые люди, Адам, и решительно не повинные ни в каких идеях. Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок-профессор не вооружит ее технически. Вы — идею, а ученый в дополнение к ней — ...мышьяк!..

Ева (*печально под лампой*). Мне страшно. Теперь я знаю, тебя отравят, мой Адам!

Адам. Не бойся, Ева, не бойся! Я надену противогаз, и мы встретим их!

Ефросимов. С таким же успехом вы можете надвинуть шляпу на лицо! О, милый инженер! Есть только одно ужасное слово, и это слово «сверх». Могу себе представить человека, героя даже, идиота в комнате. Но сверхидиот? Как он выглядит? Как пьет чай? Какие поступки совершает? Сверхгерой? Не понимаю! Бледнеет фантазия! Весь вопрос в том, чем будет пахнуть. Как ни бился старичок, всегда чем-нибудь пахло, то горчицей, то миндалем, то гнилой капустой,